

Лев КОПЕЛЕВ

«Для меня государство и нация - существенно разные миры»

Личности

Александр ПАВЛОВ

«Ведомости»

— Лев Зиновьевич, Ваша выставка «Deutsch-Russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung» по праву может считаться отдельным творческим жанром. Могли бы Вы рассказать, как пришла идея о ее создании? Как она была организована, сколько времени на это ушло?

— Эти красивые и зеленые книги (указывает на полку, где стоят шесть известных томов) — издания так называемого «Вуппертальского проекта», которым я руковожу с момента его основания уже почти 15 лет. Наша исследовательская группа изучает историю того, как русские и немцы узнавали друг друга. Изданы эти тома параллельно: зеленые — немцы глазами русских, а красные — русские глазами немцев. Еще три тома находятся в наборе, а мы сейчас составляем четвертый. В общей сложности должно выйти примерно по пять книг каждого ряда. Вот два тома по 18-му веку. Из них-то и выросла выставка «Русско-немецкие встречи в век просвещения».

— Каковы Ваши цели в проведении выставки? — Когда начиналась работа, я сказал своим сотрудникам, что мы должны написать так, чтобы завоевать и читателей «Bild'a», и любителей футбола. Мы должны познакомить людей с тем, как народы узнавали друг друга, как ложно судили, какие складывались легенды, предрассудки, какими идеалистическими были увлечения.

— А кто помогает Вам в этой работе?

— Мне удалось собрать очень хорошую команду: г-жа д-р Мектильд Келлер, г-жа Дагмар Герман и Карл-Ханц Корн, главный устроитель выставки. Эту команду я очень люблю, и они терпят мой отравительный характер. Мы составляем план каждой книги, исходя из того, что знаем, что помним из истории определенной эпохи. Согласно плану, вербуют авторов, пишем сами и, разумеется, редактируем. В самом начале, 14 лет тому назад, нам очень повезло — мы нашли отважного издателя Фердинанда Шеннинга (он руководит большим издательством «Fink», в которое входит издательство «Schöningh»). Отважным я его назвал потому, что книги, подобные нашим, коммерчески невыгодны. Добрым znameniem было для нас то, что его прадед, тоже Фердинанд Шеннинг, основатель издательства, был первым на Западе, кто издал Владимира Соловьева. Нам помогли и помогают (бывший) бундес-президент Ваццеккер и министр-президент Земли Северный Рейн-Вестфалия Иоганнес Рау, которому я особенно благодарен. Он покровительствует «Вуппертальскому проекту» с первых дней. В последние годы у нас появились в Москве первые авторы-историки, литературоведы и искусствоведы. Два года назад русский вариант выставки «Русско-немецкие встречи» был показан в Москве. Выставлены были, главным образом, книги, имеющиеся в московских библиотеках. Организаторами выставки были Библиотека иностранной литературы им. Рудомино (директор — Екатерина Гениева) и Институт им. Гете в Москве, основанный под руководством Катинки Дитрих ван Веринг. Выставка потом была показана в Екатеринбурге, в Перми. Сейчас она должна ехать в Смоленск, а потом в Вологду или Ярославль. Немецкий вариант оказывается более полным. За два года работы над ним был обнаружен новый материал — документы, иллюстрации.

— Могли бы Вы сказать, если это, конечно, не является коммерческой тайной, сколько денег было вложено в проведение выставочной деятельности?

— Каждая земля (10 земель согласились принять выставку) дает по 30.000 марок. То есть вложено 300 тысяч, но потрачено еще больше. Фрау доктор Келлер купила за собственный счет для перевозки выставки подержанный грузовик. Отличные художники вообще почти ничего не заработали. Мы и для российской выставки дали, сколько могли. Первые годы земля Северный Рейн-Вестфалия оплачивала только меня, руководителя проекта. А для моих сотрудников деньги давали частные фонды, Volkswagen Stiftung, Крупковский фонд и др. Но когда появились первые тома, земля взяла на иждивение всех четырех сотрудников проекта.

— Какой немецкой партии Вы симпатизируете?

— Я беспартийный принципиально. Я побывал в одной партии ВКП(б)-КПСС и больше уже ни в каких партиях состоять не хочу.

— Вы были членом КПСС дважды.

— Меня исключили перед арестом в 1945 и восстановили в 1956 году.

— Скажите, когда Вы восстанавливались в партии в 1956 году, Вы тогда продолжали верить, что идея еще жива?

— В Сталина я уже не верил, а в Ленина верил. Верил Марксу-Энгельсу, верил Плеханову, Розе Люксембург.

— В своих книгах Вы критикуете Сталина и созданную им командно-бюрократическую систему. Однако я не встретил у Вас четкой оценки Ленина. Иногда даже возникает впечатление, что Вы относитесь к нему не слишком строго...

— О своем отношении к Ленину я написал в книжке «Будущее уже начинается». Начал я ее еще в Москве. В ней есть глава, посвященная Ленину. Книжка эта писалась много лет (и вышла в 1995 году в московском издательском Доме «Два века» — прим. А.П.). Действительно, к Ленину у меня некоторое время было сложное отношение. Еще в 40-е годы в спецтермыне, где я познакомился с Солженицыным, мы часто спорили по этому поводу. Для него уже тогда, в отличие от меня, Ленин не был идеалом. Выйдя «на волю», я начал читать и перечитывать книги, по которым когда-то учился, и засомневался в Ильиче. Сомнения росли, и в итоге я понял, что вообще не следует творить кумиров. Ни Ленин, ни Маркс, никто другой в кумиры не годятся.

— Скажите, а во второй раз Вы вышли из партии добровольно или Вас исключили?

— Меня исключили, и для этого было немало поводов. Я был в числе тех, кто выступал против неправедных судов над Бродским, Синяевским и

Даниэлем, над Гинабургом, Галансковым и др. «Соломинкой, переломившей спину верблюдом» стала моя статья «Возможна ли реабилитация Сталина?», опубликованная в феврале 1968-го в австрийском коммунистическом журнале, и мое выступление против сталинистов на партсобрании Союза писателей в марте 1968-го. Тогда я сказал, что Сталин и Гитлер — родственные явления, и реабилитация Сталина равносильна реабилитации Гитлера. Меня вызвали в МК партии и потребовали немедленно отречься от этого заявления. Я, разумеется, отказался и стал готовиться к партсобранию. Но его не созвали. Исключили меня на бюро райкома. В райком я не пошел и написал, что поступил так, как считал своим долгом коммуниста и гражданина, что знаю о предстоящем и могу предсказать ход событий. После этого решением директора Института истории искусств меня уволили с

— Скажите, пожалуйста, несмотря на автобиографичность Ваших книг, присутствуют ли в них художественные элементы? Я имею в виду то, что речь многих лиц в них очень своеобразна. Не старались ли Вы воспроизводить смысл разговоров путем стилизации?

— Как я их помнил, так и записал. Я считаю себя вашим коллегой, репортером, а не писате-

Недавно Льву Зиновьевичу Копелеву, писателю, ученому, гражданину, человеку высокого достоинства и благородства исполнилось 85 лет. Поздравляя Льва Зиновьевича, мы желаем ему доброго здоровья и многих новых осуществлений!

лем. Я не старался ничего стилизовать. Как помнил, так и написал.

— Но ведь это очень трудно, много лет спустя воспроизвести абсолютно все, до мелочей, с предельной точностью.

— Когда Вам будет столько лет, сколько мне сейчас, Вы убедитесь, как внятно вспоминается,

ших воевать. Но в 1941 году все стало однозначно. Впоследствии друзья мне напоминали: «22 июня ты же, как дурак, кричал: «Наконец, она, святая война, и теперь известно, кто и что должен делать». В первый же час после речи Молотова по радио я подал заявление в военкомат (взяли меня лишь в августе!). Тогда, читая немецкие листовки, я с болью видел, что в них было больше правды о ходе войны,

чем в наших сообщениях. Но ни на миг не возникло сомнение в том, что мы победим и что мое место на фронте.

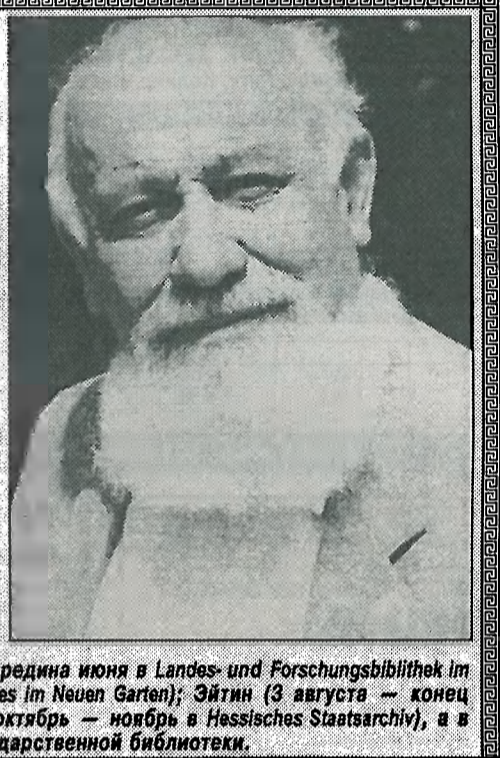
— В своих мемуарах Вы постоянно подчеркиваете, что всегда с очень большим уважением относились и относитесь к немецкому народу и немецкой культуре. Но, вероятно, бывали моменты, когда Вы испытывали противоречивые чувства в этом отношении?

Имя Льва Зиновьевича Копелева широко известно в России и на Западе. Жизнь этого писателя, ученого-германиста, историка насыщена, неординарна и многообразна. Он проделал нелегкий путь от «тридцатипятичника», комсомольца-коллективизатора до активного участника советского правозащитного движения. За его плечами работа фронтового агитатора, девять с половиной лет сталинских лагерей, реабилитация, изгнание, получение литературных премий, в том числе Премии Мира немецкой книготорговли за 1981 год.

Уже более 16 лет Лев Копелев живет и работает в Кельне. Сейчас он уделяет очень много времени изучению истории германо-русских отношений. Последний его проект — выставка «Немецко-русские встречи в век просвещения». По сути, это развернутая книга гигантских размеров — приблизительно полкилометра стенов, — заполненная фотокопиями документов, портретами исторических личностей, цитатами, тематически разбитая на разделы: политические отношения, экономические связи, научный и культурный обмен, религиозная жизнь, быт, предрассудки, армейская служба.

Особое место нашлось здесь и массовому переселению немцев в Россию, после того как в 1783 году императрица Екатерина Вторая подписала манифест, гарантировавший переселенцам свободу вероисповедания, освобождение от уплаты налогов на срок от 10 до 30 лет и ряд других экономических и политических льгот. За первые шесть лет 27 000 (!) колонистов, в основном, крестьян из разоренных Семилетней войной деревень, обосновались в районе Санкт-Петербурга, а также в Поволжье. Дело дошло до того, что в 1768 году император Иосиф II запретил эмиграцию, однако остановить ее не удалось.

С октября прошлого года выставка «Немецко-русские встречи в век просвещения» уже прошла в Вуппертале, Берлине, Халле. До 27 апреля она гостит в помещении Земельного архива Шпейера (земля Рейнланд-Пфальц), а на протяжении последующего года посетит Goty (3 мая — середина июня в Landes- und Forschungsbibliothek im Schloß Friedenstein); Потсдам (16 июня — 28 июля в Orangerie des Schlosses im Neuen Garten); Этинг (3 августа — конец сентября в Landesbibliothek im Kavalierhaus des Schlosses Eutin); Дармштадт (октябрь — ноябрь в Hessisches Staatsarchiv), а в феврале — апреле 1998 г. пройдет в Мюнхене, в здании Баварской государственной библиотеки.

работы, что было против правил. По уставу института старшего научного сотрудника мог уволить только ученый совет. Против этого увольнения я протестовал, разумеется, тщетно.

Тогда же меня хотели исключить и из Союза писателей. Но не исключили, благодаря большой статье Генриха Белля «Речь в защиту друзей», которая передавалась по радио и была опубликована в газете «Die Zeit». В ней Белль заступался за художника Бориса Биргера и за меня. Бориса не лишили мастерской, а меня не исключили из Союза и вынесли строгий выговор. Терпели меня в Союзе до 1977 года. Правда, уже нигде не печатали. Но я стал печататься за границей.

— На Западе же Вы оказались тремя годами спустя...

— В 1980-ом нам с женой разрешили выехать на год в Германию. Приглашали нас туда ежегодно. Приглашал Генрих Белль, приглашал писательское объединение «Группа 47», приглашала главный редактор «Die Zeit» графиня Марион Денхоф и некоторые университеты. Раису Орлову, мою жену, американцами, приглашали издательства и университеты в США. Но мы не хотели ехать, понимая, что нас могут не пустить обратно, как это сделали с Петром Григорьевичем Григоренко. И поэтому мы рисковали. Однако после визита Вилли Брандта в Москву пришло сразу несколько приглашений. В том числе и от Германской Академии языка и поэзии, присудившей мне премию Гундольфа, и от города Бад-Мюнстерайфель — на 200-летие Доктора Газаа, о нем я писал и рассказывал немецким телезрителям в передачах из Москвы, которые проводили Фриц Пляйтген и Клаус Петерс. Летом 1980 приехал в Москву Эгон Бар и сообщил мне, что ему и Вилли Брандту обещали «на Старой Площади, на самом верху», если я не буду заниматься в ФРГ политической деятельностью, то смогу вернуться. Я рассчитывал провести год в ФРГ и еще один — в Веймаре (ГДР). У меня была начата большая работа «Гете и Театр». Планировалось пятнадцать глав, однанадцать были уже написаны, и я хотел поработать в Веймаре и во Франкфурте. Когда нам на наше заявление ответили, что дают паспорт только на один год, это нас убедило, что нам позволят вернуться. 12 ноября 1980 года мы вылетели, имея обратные билеты. И когда на нас во Франкфурте набросились журналисты, я сказал им заранее приготовленный текст: «Ich bin gekommen zu sehen und nicht mich zur Schau zu stellen. Ich bin gekommen um zu studieren und nicht zu lehren. Interviews bitte ich Ihnen in Moskau nächstes Jahr». («Я приехал посмотреть, а не выставлять себя напоказ. Я приехал учиться, а не учить. Интервью я предлагаю Вам в следующем году в Москве»). В последующие месяцы я прочел две лекции на тему «Фауст в России». Но уже в январе нас лишили гражданства и тем самым «разваляли руки».

— За то, что Вы прочитали лекцию?

— В стандартных текстах, полученных мною и моей женой из посольства, значилось: «за поведение, недостойное советских граждан». Конечно же, решение это было принято давно. Нас и выпустили с тем, чтобы больше не впускать обратно. Тем же указом был лишен гражданства Василий Аксенов и кто-то еще... Войнович? Нет! Войнович был изгнан по следующему указу. А в январе он еще позвонил мне из Мюнхена, рассказывал и шутил: «Встань, когда говоришь по телефону с советским гражданином!»

всплывает в памяти самое давнее прошлое и как быстро забывается близкое. То, что было 40-50 лет назад, помню лучше, чем то, что происходило на прошлой неделе; помню камеру, в которой сидел в тюрьме, помню разговоры людей... Видимо, это особенность человеческой памяти. Нет, я не претендую на художественность. Я просто — свидетель.

— Не собираетесь ли Вы переиздать Ваши книги, лет 20 назад вышедшие в «Ардисе»? На мой взгляд, изданы они были не очень качественно.

— Они скоро выйдут на русском языке в «Лан-Принт Ферлаг». Сейчас это издательство готовит к выпуску мой пятитомник. Оно хотело издать три книги моих воспоминаний: «...и сотворил себе кумира», «Хранить вечно», «Утоли мои печали» и книги, написанные вместе с Раисой Орловой: «Мы жили в Москве» и недавно вышедшую «Мы жили в Кельне». Мы начали работать вместе и многое сделали (Рая умерла в 1989 году); я долго не мог вернуться к работе над рукописями. В отличие от первой, книга «Мы жили в Кельне» — не мемуары, а, так сказать, сборник документов. В ней выдержки из наших писем, дневников, писем, присланных нам друзьями из России.

— В книге «...и сотвори себе кумира» Вы упоминаете, что в юности читали газету «Berliner Tageblatt» и были немало удивлены беспристрастной оценкой событий, но, вместе с тем, вера в правдивость советских газет не покидала Вас. В 60-х же и 70-х Ваше отношение к пропаганде в корне изменилось. Вы могли бы охарактеризовать, как происходило выхождение советской идеологии? Когда оно произошло — до или после XX-го съезда партии?

— Выхождение началось значительно раньше, еще до войны. Во времена военного коммунизма господствовал красный террор, идеология большевистской нетерпимости; в 20-е годы шел разгром всех внутрипартийных оппозиций, потом начались порабощение миллионов крестьян и массовый террор, размеры которого мы себе не представляли. Тогда стало обязательным словосочетание «Великая Октябрьская социалистическая революция». От этих четырех слов нельзя было отступиться. Хотя в них нет ни единого слова правды. Не великая, не социалистическая, не октябрьская, не революция, а переворот. Это мы уже тогда понимали. Но жестокость, ложь и догматизм признавали нужными, считая себя гарнизоном осажденной крепости, верили, что наш режим меньше зло по сравнению с фашизмом. Мы восхищались республиканской Испанией — в ней возрождалась идея революции...

Потом началось дружба с Гитлером... Это был шок. Однако мы все же верили, что наше правительство хочет мира, отодвигает угрозу войны. В это время наряду с доктринерством и зубрежкой квазимарксистских формул уже действовала и великодержавно-шовинистическая идеология, которая вместе с Гитлером делила Польшу — преобладала антипольская позиция, затем — антифинская. Финскую войну мои друзья и я воспринимали, сцелив зубы. Если при вторжении в Прибалтику, Западную Украину, Беларусь, мы радовались расширению территории социализма, то за Финляндию нам было стыдно. Будучи тогда еще убежденным сталинцем, я боялся, что на эту грязную войну направят моего брата, служившего в то время в армии, и косо смотрел на молодых людей, добровольцами уходив-

— Да, бывали минуты, так сказать, националистические, но только минуты. Когда, например, нас вышибли из Новгорода, я сидел с артиллеристами на НП и видел, как они вели огонь по новгородскому Кремлю. Вот тогда накачивала ярость! Стыдно было и страшно. Когда я услышал передачу немецкого радио о взятии Киева, заплакал от бессилья. Но тем не менее я не переставал быть коммунистом, а значит, и интернационалистом, я общался с пленными и видел, какие они разные.

— Каково было Ваше ощущение при виде первого пленного?

— Любопытство.

— И никакой ненависти? Ведь во время войны погибло немало Ваших родственников...

— Нет. Ненависти я не испытывал. Да, погиб на фронте мой единственный брат, дедушку, бабушку, тетку и дядю расстреляли в Бабыем Яру. Но это зло творили эсэсовцы и местные полиция — мельничовцы, а не немецкий и не украинский народы.

— Вы всегда строго разграничивали народ и политиков?

— Да. Для меня государство и нация — существенно разные миры. И не только в России. Немецкая нация развивалась во множестве развитых государств. Польская нация достигла высокого культурного расцвета, хотя была разделена тремя разными державами — Россией, Германией и Австрией.

— А как бы Вы могли объяснить то, что людей гнали в газовые камеры под музыку Вагнера и Бетховена?

— Сначала, когда мне перебежчик рассказал о лагерях уничтожения, я не поверил... То, что происходило там, даже не назовешь озверением. Звери не так жестоки. И не только в Германии происходило чудовищное «расчеловечивание» людей. Я же был в лагере и видел, что там творилось.

— Вы считаете это общечеловеческим бичом?

— Да... У Пастернака об этом очень хорошо сказано в «Докторе Живаго». Он считает, что начало было положено в годы мировой войны. Тогда были разрушены все представления о добре и зле, идеальное просвещение, идеалы гуманизма, человекоуобийство стало обыденным, заурядным делом. Это и я начал понимать на фронте, а потом в тюрьме, в лагере. Тогда я мечтал, что с выходом на волю, буду заниматься разработкой этических доктрин социализма. При этом, уверен, что нельзя осуждать целый народ, нацию или класс, осуждать миллионы людей за преступления сотен или тысяч их соотечественников. Считаю это одним из страшных заблуждений на протяжении всего существования человечества.

— А как, по-Вашему, человечество пока не оклемалось?

— Наоборот, сейчас — время распада, страшного распада. И не только в России, Советском Союзе. Распалась Югославия, распадается Бельгия, в Италии хочет отделиться Север... Это, как сказано, в Екклезиасте: «Есть время разбрасывать камни, а есть время собирать камни, время разрывать и время шивать, время молчать, время говорить...» Сейчас мы живем во время, когда разбирают камни, когда разрывают, когда разрушают.

— Что Вы думаете по поводу скандала вокруг книги американского историка еврейского происхождения Д.Гольдхагена «Палачи-добровольцы Гитлера», вызвавшей шок в Германии.

— Я написал об этом статью, опубликованную в «Die Zeit». Книгу этого молодого американца я считаю несправедливой, антинаучной и безнравственной.

— Скажите, пожалуйста, с момента падения «железного занавеса» бывали ли Вы на территории бывшего Советского Союза?

— Был шесть раз.

— Как Вы оцениваете нынешние тамошние власти и происходящие там перемены?

— Бывали времена похуже, но не было подлее.

— Помните ли, в «Возрождении нации» В. Винниченко писал, что пришедшие к власти в

феврале 1917 года демократы остались по отношению к другим народам царской России такими же империалистами, как и прежние ее хозяева. Ныне же — чеченская война, выпад из высших эшелонов власти в адрес Балтийских государств и Украины. Не означает ли это, что имперский дух российской политики — решающий фактор, вне зависимости от идеологии, в которую он облечен?

— Это еще одно свидетельство чуждости-всех правительству народу. И не важно, под каким знаменем выступает властители, под трехцветным или красным. Любая «великой державе» свойственны империалистические устремления. А сейчас империя распадается с уном и кровью.

— Что Вы думаете о независимости Украины и возвращении государственной атрибутики, которую в 20-е-30-е годы Вы считали «буржуазной» и «петлюровской»?

— Это для меня очень большой вопрос. То, что Киев — «заграница», я просто не могу принять. Киев — мой город, такой же, как Москва, такой же, каким стал Кельн.

— Вы считаете, что возведение границ, создание таможенного контроля были абсолютно бессмысленны?

— Народы могут жить рядом, как сейчас немцы, например, живут рядом с голландцами, швейцарцами и австрийцами. Так могут жить украинцы рядом с русскими и еще более тесно. Каждый народ сохраняет свою самобытность и уважает самобытность других народов.

— Я с большим интересом прочел пассажи в Вашей совместной с Раисой Орловой брошюре «Без прошлого и будущего». В ней хорошая литературная критика резко контрастирует с пропагандистскими клише вроде «классово сознательный пролетариат», «пресловутый американский образ жизни», «свиные мерзости капиталистического мира», «пропагандистский обоз». Скажите, Вы тогда, в 1960 году, думали так действительно или же это была социальная конъюнктура, без которой издание литературной критики было невозможным?

— Тогда мы были еще верующими марксистами. Многие из того, что открыли в истории Маркс и Энгельс, они серьезно исследовали и справедливо оценивали. Это сейчас принято их только охватывать. Они были гениальные мужики, но гениальные в анализе, а не в прогнозах. В аналитических исследованиях у них, как и у Плеханова, много интересного, но их прогнозы утопичны. Не столько существенны и важны их цели, сколько средства, которые применяли их ученики. Маркс и Энгельс признавали свои теории гипотетически-утопическими и не давали рецептов, как их практически воплотить. Они мечтали о том, чтобы «очеловечить людей». Жестокий террор — «плебейские методы якобинцев» — они считали исторической необходимостью, но воспринимали с известной безразличностью. Ленин унаследовал некоторые их теории, хотя в значительно большей степени он был наследником Бакунина и Нечаева. Для него политическая цель оправдывала самые жестокие средства.

— В «Без прошлого и будущего» меня также немало удивило выражение «формалистическое выхождение формы». Означает ли это, что Вы являетесь приверженцем чистого реализма? Знали Вы тогда о Дюйссе и Виржинии Вульф?

— Дюйсса мы тогда уже знали и не любили. А Виржинию Вульф просто не знали. Со временем взгляды на модернизм изменялись. Многие зависят от нашего мировосприятия. Мировоззрение может меняться очень резко, как это было, например, у Горького, Алексея Толстого или упомянутого Вами Винниченко. А мировосприятие — мироучувствие, мироощущение — это как цвет глаз. С ним рождаются, и оно трудно поддается воздействию со стороны, влиянию искусства и литературы.

— Чьи книги и кто из современных российских, украинских и немецких писателей Вам нравятся больше всего?

— К сожалению, современных украинских я знаю мало. Я очень люблю и уважаю Василья Стуса и моего покойного друга Ивана Светличного. Люблю стихи и прозу Владимира Корнилова, Окуджавы, Искандера, а очень высоко ценю Андрея Синяевского-Терца, Георгия Владимова, Владимира Войновича, Андрея Битова, из более молодых мне по душе Людмила Петрушевская, Татьяна Толстая, Вячеслав Пьецух. Из немецких авторов для меня очень большое значение имел да и сейчас имеет Генрих Белль, мне близки Криста Вольф, Зигфрид Ленц, Вольф Бирманн, Гюнтер Грасс.

— А Вы знакомы с постмодернистами — Виктором Ерофеевым, Владимиром Сорокиным?

— Нет, не знаком. Меня отделяет от них слишком высокий порог. Через него я не могу перешагнуть.

— В газете «Kölnner Rundschau» я видел Ваш фотоснимок с подписью «Ich lese Rundschau, weil ich unheimlich neugierig bin und mich der großen Welt verhaftet fühle». Вы отдаете предпочтение «Kölnner Rundschau»?

— Нет, нет (смеется) ...жулики. «Kölnner Rundschau» я не читаю, а читаю «Kölnner Stadt Anzeiger» и «Neue Züricher Zeitung». Кто-то спросил меня по телефону: «Читаете ли Вы газеты и почему именно читаете?» Я ответил: потому, что неизменно любопытен и т.д. Ну, а они подставили — вместо газет вообще — название своей.

— Значит, Вас интересовали в рекламных целях без Вашего согласия! Большое Вам спасибо за интервью!